

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

вать авторитет и влияние у суфийских *шайхов* и ниспровергнуть местные власти. Борьба между этими двумя тенденциями есть проявление извечного противостояния между обычным правом (*'adat*) и религиозным законом, *шари'атом*. «Народный» ислам негласно канонизировал не только местных «святых», но и домонотеистические верования. Тем самым он законсервировал родовую основу конфессиональных общин, обусловив локальные различия в исламе, препятствующие образованию более широких религиозно-политических общностей. Адаптированные к местным культурам, суфийские обряды и духовные ценности в форме традиций местных *шайхов-наставников* настолько переплелись с идеологическим функционированием рода и общины, что стали восприниматься в качестве неразрывной части народной культуры, чем они, в сущности, и являются. Кардинальные политические изменения без разрушения сложившейся системы взаимоотношений внутри религиозной общины в таких условиях практически невозможны.

Чеченскому конфликту последнего десятилетия присущи многие черты, характерные для религиозно-политических столкновений на С. К. Начало каждой военной кампании сопровождается объявлением *газавата*. Руководители военных отрядов, состоящих из современных *муджахидов* («участвующие в *джихаде*»), называются *амирами* (руководители отрядов *газиев* в XI–XII вв. именовались светским титулом *султан*); убитые в боях *муджахиды* объявляются *шхидами*, представители противоборствующей стороны — *кафирами*. Как и во времена *имамы* Шамиля, в Чечне был создан особый тип исламского государства, в котором активно внедрялись нормы *шира'ата*. Невзирая на значительную нехватку знатоков мусульманского права и отсутствие необходимых условий и предпосылок, светское судопроизводство было искусственно заменено на *шари'атские* суды. Во многих местах это произошло наперекор сложившейся исторической традиции: споры уголовного характера у горцев обыкновенно решались согласно нормам обычного права, а на основании *шари'ата* разбирались лишь гражданские дела. В условиях дагестанского нагорья была предпринята очередная попытка создания *имамата*.

На общем фоне событий чеченского конфликта эти действия носили маргинальный характер. Этнополитический конфликт в регионе так и не приобрел форму межконфессионального противостояния, поскольку интеграция локальных форм ислама в политическую систему России в основных чертах уже давно завершена.

Осмысление драматических событий на С. К. — задача ближайшего будущего, однако некоторые выводы могут быть сделаны уже сейчас. В очередной раз, но уже на материале новейшей истории подтверждается следующая закономерность: реакция традиционных обществ на резкие изменения общественно-политических условий почти всегда имеет тенденцию к отторжению. Это объясняется тем, что близкий к

классическому типу род/клан (*тейт, тухум*) обладает чрезвычайно консервативной социальной организацией и для его адаптации к новым порядкам требуется несравненно больше времени, чем для обществ, родовые связи в которых ослаблены или видоизменены в процессе эволюции.

В период политической нестабильности локальные формы ислама приобретают все более выраженную национальную окраску и большую организационную самостоятельность. Было бы упрощением, однако, сводить сложные по составу локальные формы «народного» ислама только к суфизму. Во-первых, потому, что «народный» ислам на С. К. не включает в себя идею мистического познания Бога, которая, собственно, и составляет сущность любой разновидности суфизма. Во-вторых, число последователей «истинного» (теоретического) суфизма, прежде всего членов кавказских ответвлений (*вирдов*) суфийских братств *накшбандийа* и *кадирийа*, пока еще слишком незначительно, чтобы считать их религиозный опыт преобладающим во всех местных обществах.

Лит-ра: Derbend-Nameh; *ад-Дарбанди*. Райхан ал-хакка'ик; *Мухаммад ал-Баркали*. Ат-Тарика ал-мухаммадийа. Рук. № 1280 ИИАЭ ДНЦ РАН; И.Ю.Крачковский. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные сочинения. VI. М.—Л., 1960; А.Р.Шихсаидов. Распространение ислама в Южном Дагестане в X–XI вв. // УЗ ИИЯЛ. VI. Махачкала, 1950; *он же*. Распространение ислама в Дагестане / Автореф. канд. дис. Махачкала, 1960; *он же*. Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала, 1962; В.Ф.Минорский. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963; Лавров. Эпиграфические памятники; А.Р.Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969; *он же*. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1973; *он же*. Эпиграфические памятники; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Б.Пиотровского. М., 1988; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.) / Под ред. А.Л.Нарочницкого. М., 1988; *Тримингэм*. Суфийские ордены; А.К.Аликуберов. Современное мусульманское возрождение на Кавказе: Особенности, тенденции и перспективы // Ислам, 21–32; *он же*. Автореф.; A.Bennigsen, Ch.Lemercier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. L., 1967; A.Bennigsen and E.Wimbush. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. California, Berkeley—Los Angeles, 1985.

А. А.

Сейит Неджепи (*саййид* Наджафи) — «святое» место, связанное с легендарным основателем и покровителем одной из групп *х'аджей*, представителей *овлад* (араб. *аулад* — «дети», «потомки»), так называемых святых групп у туркмен. Расположено на вершине холма у западной окраины приграничного с Ираном селения Ходжа-Кала в долине р. Сумбар на территории Гаррыгалинского *этрапа* (района).

Это купольный мавзолей из средневекового жженого кирпича, обмазанный сверху глиной. Над входом, поддерживаемым резными деревянными колоннами с изображением стилизованных бараньих рогов, выведен известкой такой же

рисунок, а на крыше укреплены три пары натуральных рогов архаров. Справа перед входом — темно-синяя каменная могильная плита, привезенная из окрестностей. Судя по арабской надписи, она была установлена на могиле знаменитого *х'аджи*, почившего в начале XVIII в. Внутри святилища — обмазанный глиной и покрытый белой тканью ящик-саркофаг (как считается, над могилой самого С. Н.). На нем приношения — денги и сладости. Стены увешаны десятками миниатюрных луков и колыбелек — символическими просьбами паломниц к «святому» о сыне-наследнике или ребенке вообще. В небольших нишах — спички и принадлежности для уборки святилища.

Наиболее впечатляющий элемент мавзолея, отличающий его от других аналогичных сооружений, — два подземных купольных помещения из средневекового кирпича, где, очевидно, в свое время устраивались суфийские радения, а потом были похоронены сам «святой» и его наиболее ревностные послушники-*муриды*. Интересно, что захоронение их, в отличие от традиционного мусульманского, было произведено в деревянных гробах-носилках. Автору довелось побывать в левом помещении, где находилось пять таких гробов. Вход в подземелье по приказу духовенства, приехавшего из религиозного центра этого региона — Нохура, еще перед революцией, в период усиления мусульманского «правоверия», был засыпан, оставлен лишь узкий лаз.

Точных данных о личности С. Н. нет; судя по архитектурным особенностям мавзолея, здание можно датировать XVI–XVII вв. С. Н. — имя табуированное, как, например, Магтым мээззем, святилище которого также расположено в долине Сумбара. Это говорит об авторитете «святого» при жизни. *Нисба* «Неджепи» указывает на то, что *суфий* происходил из г. Неджефа (Ирак) и прибыл в эти края, очевидно, как проповедник; *сейит* (араб. *сайид*) — потомок пророка Мухаммада. *Сайидам* в Иране и арабских странах соответствуют *х'аджи* в Туркменистане и других странах Средней Азии, поэтому потомков и последователей «святого» и называли *х'аджами*.

Паломники к святилищу С. Н. — жители селений, где проживают туркмены племен нохурли и ходжа: Ходжа-Кала, Дузлы-Депе, Койне-Кесира и самого Нохура.

Лит-ра: С. Демидов. Путешествие в подземелье // КТ. 07.10.1969; он же. В подземелье // Вечерний Ашхабад. 21.02.1975; он же. Туркменские овлады, 74–75; он же. Легенды, 95–97.

С. Дем.

Сокит (*сокыт*; узб. *сокит килмок* — «освободить от трудностей») — обряд, посвященный мусульманскому «святому» Афак-*х'адже* (Офок-*х'аджа*; араб. *афак* — «горизонты» или араб. *аффак* — «путешественник»), которого в народе называют Аппак (Оппок)-*ходжа* (тюрк. *оппок* — «белый»). С. распространен в центральных и восточных районах Ферганской долины.

Афак-*х'аджа* — историческая личность, его настоящее имя Хидайят Аллах. Отец Хидайята, Мухаммад Йусуф-*х'аджа* (ум. в 1652 г., похоронен около г. Кашгара), был сыном *сайида* Мухаммад Амин-*х'аджи* (ум. в 1597 г.) — старшего сына Махдум-и А'зама (ум. в 1542 г., похоронен около Самарканда), крупнейшего представителя среднеазиатской ветви братства накшбандийа. Последний побывал в Восточном Туркестане (тогда Могулистан, позже — китайская провинция Синьцзян, ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район) и приобрел там много последователей.

Между потомками Махдум-и А'зама в Восточном Туркестане развернулась ожесточенная борьба за лидерство. У истоков этого соперничества стояли два сына Махдум-и А'зама — Мухаммад Амин и Мухаммад Исхак (ум. в 1599 г., похоронен около Самарканда). В Средней Азии первого поддержал бухарец *х'аджа* Ислам Джуйбари (ум. в 1563 г.), а второго — ферганец *хазрат маулана* Лутф Аллах Чустий (ум. в 1571–72 г.). Формальный поводом раздора стал, видимо, вопрос о применении «громкого» *зикра* (*джахр*) в практике суфийского братства накшбандийа. Фактически же это было соперничество между различными группировками *пиров* за контроль над последователями братства. Ветвь накшбандийа, которую возглавляли потомки Мухаммад Амина, впоследствии стали называть «ишкийа, а ветвь, во главе которой стояли потомки Мухаммад Исхака, — исхакийа. В Восточном Туркестане сторонников первой называли «белогорцами» (*ак-таглык*; тюрк. *ак/ок* — «белый», *таз/тог* — «гора»), а сторонников второй — «черногорцами» (*кара-таглык*; тюрк. *кара/кора* — «черный»).

Сначала первенство в Могулистане было за потомками Мухаммад Исхака, но в XVII в. Мухаммад Йусуф вместе с пятилетним Хидайят Аллахом переехал жить из Самарканда (селение Дахбид) в Восточный Туркестан. В конце XVII в. правителем там был Йулбарс-хан из рода Чагатай, старшего сына Чингиз-хана. Он почитал Афак-*х'аджу* — главу «белогорцев» и женил его на своей родственнице. Затем к власти пришел покровитель «черногорцев» Исма'ил-хан, который заставил Афак-*х'аджу* покинуть Восточный Туркестан. По легенде, Афак-*х'аджа* ушел в Тибет, где познакомился с главой тибетского буддизма Далай-ламой V, который обратился к джунгарскому (калмыцкому) хану Галдан-Бошоку (ум. в 1696 г.) с предложением помочь беглецу вернуться на родину. Джунгарские войска во главе с Галдан-Бошоку захватили Восточный Туркестан, а возвратившийся с ними Афак-*х'аджа* стал фактическим правителем, сделав номинальным ханом своего сына. Афак-*х'аджа* умер в 1693–94 г. и похоронен недалеко от г. Кашгара. В результате полувековой борьбы между «белогорцами» и «черногорцами» верх одержали потомки Афак-*х'аджи*. Но на смену джунгарам в середине XVIII в. пришли китайцы и изгнали *х'аджей* из Восточного Туркестана. С тех пор фигура Афак-*х'аджи* постепенно ста-